

Культурные феномены Петербурга

Петербург — театральная столица

Евгения Кордова

Не проходите мимо бродячей собаки

То, о чем вы подумали, прочитав заголовок, несомненно, важно. Но речь не об этом. А об арт-кафе — по другим источникам кафе-кабаре — «Подвал Бродячей Собаки», что располагается на Итальянской улице. Где располагается сама Итальянская улица? Ах, Боже ж ты мой, слушайте сюда — я тоже раньше путалась и раз за разом проскакивала мимо. Она идет параллельно Невскому (ясный перец, что в Питере, где же еще?).

Так вот. Если встать в перпендикуляр к Невскому и двигаться по направлению к Михайловскому саду, одноименному замку, Русскому музею, церкви Спас на Крови, цирку, — в общем, понятно, да? — то вам ее не миновать, через пару домов. Конечно, если вы находитесь в правильном месте. Итальянская улица очень короткая, всего два квартала: от канала Грибоедова до реки Фонтанки, не промахнитесь.

В конце второго дома от ее начала, то есть от канала Грибоедова, по четной стороне, и находится искомое кафе. Которое — и арт, и кабаре.

Но давайте не будем торопиться, и задержимся возле средней парадной. Когда-то это был вход в ресторан «Золотой Остап», а ныне — в магазин янтаря «Beluga» — что поделаешь, янтарь опять вошел в моду. И вот тут, небрежно скрестив ноги, правая рука в кармане, левая — на спинке стула работы мастера Гамбса, нацелившись острым профилем вдоль улицы, стоит сам Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей — сын лейтенанта Шмидта и любимец Рабиндраната Тагора, художник, международный гроссмейстер и киносценарист, основатель «Союза меча и орала» и фирмы «Рога и копыта», и прочая, прочая, прочая. В кепке с козырьком, тройке, шарф небрежно заброшен за спину, очень похожий на молодого Сергея Юрского. В бронзе.

Ходят достоверные слухи (ну да): если потерять Остапу нос — самая авантюрная авантюра проскочит на ура. А если еще и на стуле посидеть, то «ключ от квартиры, где деньги лежат» и вовсе сам упадет в карман. Понятно, что нос у памятника сияет, аки солнышко.

Я не стала злоупотреблять благосклонностью и терпением Великого Комбинатора и бесцеремонно хватать его за нос — что еще за штуки! Но на стул, отполированный до блеска многочисленными попами, все же присела, мало ли.

А кафе... О, это маленькое подвальное помещение из двух крохотных залов имеет большую историю. Лет пять-шесть назад оно отметило столетний юбилей. Когда-то здесь читали свои стихи Ахматова и Гумилев, Северянин и Кузмин, Мандельштам и... сюда заглядывали многие их современники, заметные фигуры тогдашней Петербургской богемы. Возможно, оно еще помнит их обличия и голоса. Читает память. И верность традициям.

Мы нацелились на «Желтое танго». Его поставил по воспоминаниям Александра Вертинского Сергей Федотов. Ну что ж, это даже символично — Серебряный век так Серебряный век, и его грустный шут, певец любви, печали и смерти. Декаданс так декаданс. Во всей его красе.

Что бы такое надеть? Надо же как-то соответствовать. Ну, там, платье в пол, жемчуга, пахитоска в длинном мундштуке. Ах, что это я — сегодня здесь не курят. И... к лучшему. У меня глаза слезятся от табачного дыма.

Тесный зал на полтора десятка столиков. Можно и перекусить, пусть и довольно скромно. Но я не советую вам увлекаться. Почему? Вы, правда, хотите знать? Да нет, какая тайна? Привели мы детей, тогда еще подростков, приобщиться к высокому в Гнездо глухаря (тоже арт-кафе, но в Москве). Так вот: стоило Сергею Никитину взять первые аккорды, как голодные дети — а они бывают в этом возрасте другими? — принялись звонко стучать приборами по тарелкам. Никитин замолчал и внимательно посмотрел на наш столик, что, как назло, оказался рядом со сценой — мальчики замерли с набитыми ртами, мы с подругой стали искать мусор на полу. Он вернулся к исполнению. Дети вернулись к еде. Он опять остановился. И посмотрел. И не так чтоб радостно. Дети затаились, вытянувшись столбиками, как суслики. Нет, они старались — зачем мне врать? — но чем больше старались, тем хуже получалось: ножи скрипели по фарфору, фужеры мелодично, но не в такт, звенели, тарелки скользили — да что говорить... Мы с подругой, как правильные мамы, шипели, дергали их за рукава, толкали локтями — все попусту. К середине концерта дети заморили червячка и принялись сыто подпевать...

Имею основания полагать, что Никитин наш столик не то чтобы сильно полюбил. Теперь вы понимаете: вилка случайно упадет или еще что — стыда не оберешься. И потом: когда актер перед тобой работает, а ты в это время... ну, хорошо — вкушаешь, это выглядит как-то... не комильфо, согласитесь. Уж если совсем неважно, закажите что-нибудь легкое, атмосферное. Мы взяли сырную тарелку и оливки, мартини мне и виски моему спутнику.

Желтое танго. Изящный, скажу больше: изысканный — спектакль. Так Вертинский же! Играет сам Федотов, един во всех лицах: он — и Вертинский и антрепренер Марья Арцыбушева, военный доктор Зейдис и белый генерал Слащов, принц Уэльский и даже сам Господь Бог. Моноспектакль. Серьезный риск и испытание для режиссера и актера. Надо быть очень уверенным. Немного авантюристом. Идти ва-банк, чтобы сорвать джекпот. Может, он нос Остапу каждый день тер и на стуле сидел? Сегодняшний зритель, сильно подпорченный блокбастерами, триллерами, экшенами и спецэффектами, отвыкший вдумываться, проникать и вчувствоваться, жаждет насыщенности, активных действий и взаимодействий. А здесь: маленькое пространство, аскетичность декораций, один актер (и два аккомпаниатора — скрипач и пианистка). И этот актер дает перформанс нос в нос со зрителем, никакого личного пространства и дистанции, что отдельный дискомфорт — тебе чуть ли не в штаны заглядывают.

А Федотов играет. Интеллигентно и иронично, точно и тонко передавая рисующуюся суть своего героя и сам дух того времени. Без речитатива, грассирования и жеманной пантомимики, так свойственных самому Вертинскому. Лишь... намекает. Чуть утрированная интонация, чуть сильнее, чем надо, подчеркнутый жест. А зритель на крючке. Без малого три часа. Он что, волшебник?

(Ой! Я вспомнила еще об одном актере, что весь спектакль держит зал на себе, вряд ли вы его знаете — он совсем еще мальчишка, — но я расскажу, завтра... или послезавтра).

Свободных мест не было, говорят, что и не бывает, хотя спектакль трудно назвать юным — он с двухтысячного года. И многие, судя по отзывам, посмотрели его не единожды. Это таки весомый показатель.

И еще. Очень неожиданный эффект от русского Пьеро, певца упаднической эстетики. После спектакля выходишь каким-то... словно у тебя крылья выросли. Очищенным, что ли, просветленным. И хочется обнять весь мир. Свет в душе — понимаете? А когда в душе у человека свет, он не способен ни на что дурное.

В Москве «Желтое танго» тоже дают, в Доме Булгакова, так что у москвичей есть такая счастливая возможность. А жителям и гостям Северной Пальмиры позволю себе напомнить: не проходите мимо «Бродячей Собаки», там случается много чего интересного.